

ФОРТИФИКАЦИЯ ГОРОДИЩ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© А.Г. Колонских

FORTIFICATIONS OF BACHMUTINO CULTURE HILLFORTS OF THE UFA-BELAYA INTERFLUVES

Рассматривается фортификация раннесредневековых городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. На основе анализа топографических особенностей и укреплений городищ выделены группы памятников, которые отражают поселенческие традиции раннесредневекового населения. Установлено, что городищам бахмутинской археологической культуры свойственны определенные характерные черты, выраженные в выборе населением площадок поселений и устройстве основных и дополнительных линий укреплений (вал, ров, гласис, эскарп). Сравнение бахмутинских городищ с городищами, оставленными предшествующим ананьинским, пьяноборским и кара-абызским населением эпохи раннего железного века и последующим (кушнаренковская, кара-якуповская, чияликская культуры) раннего средневековья, указывает на наличие определенного типа поселений, характерных именно носителям бахмутинских культурных стереотипов.

Ключевые слова: Уфимско-Бельское междуречье, раннее средневековье, бахмутинская культура, топография, фортификация.

The paper considers the fortification of the early medieval hillforts of the Bakhmutino culture of the Ufa-Belaya interfluve area. Based on the analysis of topographical features and fortifications of fortified settlements, the groups of monuments that reflect the settlement traditions of the early medieval population have been singled out. It has been established that the ancient sites of the Bakhmutino culture were characterized by certain features, expressed in the choice of ground for settlements and in the arrangement of basic and additional lines of fortifications (wall, moat, glacis, escarp). Comparison of the Bakhmutino fortifications with the ancient fortresses left by the Ananinyino, Pyanyi Bor and Kara-Abyz population of the early Iron Age and the subsequent (Kushnarenkovo, Kara-Yakupovo, Chiyalik cultures) of the early Middle Ages indicates the existence of a certain type of settlements characteristic of the carriers of Bakhmutino cultural stereotypes.

Keywords: archaeology, Ufa-Belaya interfluves area, the early Middle Ages, Bakhmutino culture, topography, fortification.

Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья функционируют в широком хронологическом диапазоне, начиная с эпохи раннего железного века (ананьинская археологическая культура), вплоть до примеров использования укрепленных площадок городищ предшествующих эпох населением ранних этапов (постпетрогромский, мрясимовский) чияликской культуры (Овсянников, 2012, с. 218; Гарустович, 2015, с. 185). Наиболее широкое использование подобного типа поселений приходится на момент бытования памятников бахмутинской культуры. В это время количество городищ аналогичного типа значительно превышает их число, как в предыдущие, так и в последующие эпохи (Иванов, Останина, 1983, с. 104; Бахшиев, Колонских, 2015, с. 60).

Исследованиями бахмутинских городищ в Уфимско-Бельском междуречье занимались в свое время В.В. Гольмстен, А.В. Шмидт, Н.А. Мажитов, Г.И. Матвеева, В.А. Иванов, Т.И. Останина, Ю.А. Морозов, Б.Б. Агеев, В.В. Овсянников, Ф.А. Сунгатов (Колонских, 2014, с. 354–356). Однако до сих пор мы не имеем четкой картины использования площадок поселений. Стационарные раскопки, проводившиеся на девяти однослойных объектах, не выявили четких следов проживания или производства на площадках памятников. Известно лишь о четырех остатках прямоугольных, слабо углубленных в материк жилищ, исследованных на Кансияровском, Юмакаевском и Казакларовском I городищах (Мажитов, 1959, с. 99–100; Матвеева, 1970, с. 8–9; Иванов, 1981, с. 3–4). Фортификацион-

ные сооружения исследованы на Варязском, Казакларовском I и Бажинском (Каменная гора) городищах (Иванов, 1974; Иванов, 1981, Сунгатов, 2000).

Довольно часто на площадках городищ бахмутинской культуры залегают материалы предшествующих бахмутинской – ананьинской, пьяноборской и кара-абызской археологических культур эпохи раннего железного века. По мнению некоторых исследователей, данное население генетически родственно раннесредневековому населению бахмутинской археологической культуры (Мажитов, 2012, с. 125; Голдина, 1999, с. 307, 309; Овсянников, 2009, с. 233). В меньшей степени известны городища, материал которых наряду с бахмутинским связан с населением турбаслинской, кушнареновской, кара-якуповской и чияликской культур (рис. 1) (Матвеева, 1966, с. 12–14, 16; Русланов и др., 2016, с. 58; Овсянников, Сунгатов, с. 237).

Основным источником раннесредневековых городищ, определяющим принадлежность к бахмутинской археологической культуре, становятся подчас сильно фрагментированные обломки лепной керамики. В ходе исследования В.В. Овсянниковым и Ф.А. Сунгатовым городища Каменная гора (Бажинское) авторами публикации разработана классификация бахмутинской керамики. Керамика выделенных исследователями типов на памятниках, в границах Уфимско-Бельского междуречья, довольно часто залегают совместно (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 218–240).

Наличие данного вида керамического материала на городище, определило включение поселения в базу данных настоящего исследования.

Цель исследования – анализ топографии и конфигурации фортификационных сооружений городищ бахмутинской культуры.

Для возможности сравнения и выявления особенностей, кроме собственно городищ бахмутинской культуры, в работе привлекаются данные объектов предшествующей и последующей эпох, расположенных в границах Уфимско-Бельского региона и непосредственной к нему близости.

В результате базу данных сформировали 105 городищ ананьинской (2 объекта), пьяноборской (17 объектов), кара-абызской (12 объектов), бахмутинской (44 объекта), кушнареновской и караякуповской (4 объекта) археологических культур, а также 26 укрепленных поселений, площадки которых засе-

лялись несколько раз (табл. 1). Все указанные памятники расположены в бассейне р. Белой (включая левый приток р. Сюнь), от устья р. Сим до впадения в р. Каму и бассейне р. Уфа. Отметим, что ввиду многочисленных примеров разрушения площадок городищ, в выборку включены объекты, конфигурация площадок и линий укреплений которых поддаются реконструкции. Источниками для проведения исследования стали справочные материалы, публикации и отчеты по результатам многолетних экспедиций на территории Южного Приуралья, а также самостоятельные полевые исследования автора.

Ближайшее рассмотрение количества линий укреплений городищ дало вполне предсказуемые результаты (табл. 2). Как в эпоху раннего железа, так и в раннем средневековье преобладают городища с одной линией укреплений (66 объектов) и составляют около 63% от общего количества. Почти третья часть (28 объектов) городищ укреплена двумя валами. Стоит заметить, что все поселения, укрепленные более чем тремя линиями фортификации, являются многослойными, то есть площадки этих городищ заселялись как в эпоху раннего железного века, так и в средневековье.

В свою очередь, обращает на себя внимание то, что для населения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье устройство одной линии укреплений наиболее традиционно (32 объекта, 73%). Кроме того, для однослойных бахмутинских городищ нам не известны примеры устройства более чем трех основных линий фортификации. Городища Барьязинское, Бирское (Чертово), Камышинское I Тра-Тау, укреплены 4–6 линиями валов и рвов, однако эти памятники многослойны и существовали довольно продолжительное время, при этом точных сведений о времени сооружения на них линий фортификации нам не известны.

Уникальным в плане количества валов на площадке городища является Юмакаевское городище (рис. 2). Памятник открыт Н.А. Мажитовым и Г.В. Юсуповым в 1956 г. В 1957 г. раскопки на нем проводил первооткрыватель, а в 1969 г. стационарные исследования проведены Г.И. Матвеевой (Мажитов, 1957, с. 23–27, 41; Матвеева, 1969, с. 1–11, рис. 2–5). В соответствии с описаниями Н.А. Мажитова на площадке городища зафиксировано девять валов. При этом стоит заметить, что шесть из них находятся на южном окончании мыса. Данные фортификационные элементы не имеют рвов и на наш взгляд

служат не основным, а дополнительным типом фортификации. Подобные укрепления известны по материалам болгарских городищ (Ивашкинское, Красногорское, Старокамкинское и Чуру–Барышевское городища) домонгольского времени (Губайдуллин, 2015, с. 299–301). Поселения, укрепления которых расположены на склонах мысовых стрелок, хорошо известны и в Уфимско-Бельском междуречье уже в эпоху раннего железного века: Серенькино, Кипчаковское, Кызыл-Юлдузское, Кызыл-Ярское, Умировское, Акбердинское III городища (табл. 1). По мнению некоторых исследователей, данный вид дополнительной фортификации возникает именно в пьяноборское время (Борзунов, Новиченков, 1988, с. 94). Интересным наблюдением является то, что для бахмутинского населения также отмечены примеры использования дополнительных валов на Кансияровском, Сорвихинском, Юмакаевском, Баразинском, Чандарском городищах. Валы на конце мысовой части площадки зафиксированы также на Кувыковском городище, укрепления которого не исследовались, а наряду с преобладающим археологическим материалом бахмутинской культуры встречена керамика кушнаренковского и турбаслинского типов (Матвеева, 1966, с. 12–14).

К дополнительным фортификационным сооружениям можно отнести и примеры террасирования склонов городищ (эскарп). Подобные виды укреплений для эпохи раннего железа известны лишь на двух карабызских городищах – Акбердинского II и Акбердинское III (Овсянников, 2003; 2005). Совсем иначе в этом плане обстоят дела с раннесредневековыми городищами. Яркими примерами устройства эскарпов вдоль склонов городищ служат городища Шульгановское, Урское, Краснохолмское, Юг-Хуторское, Сорвихинское и др. Всего на сегодня известно о 22 памятниках бахмутинской культуры, имеющих следы эскарпирования склонов. Использование данного вида фортификации зафиксировано и на кушнаренковских и каракуповских городищах (Старо-Калмашевское и Кара-Якуповское городища).

Особое внимание привлекает своеобразная конструкция основных линий укреплений, встреченная на 21 городище, 17 из которых являются однослойными памятниками бахмутинской культуры (Исхаковское, Кудашевское, Юг-Хуторское, Краснохолмское, внутренний вал Югамашевского I, Сараштыбашевское, Шульгановское, Казакларовское

III и др. городища). Стационарные исследования подобного рода укреплений в регионе не проводились.

Фортификационные сооружения в этом случае устраивались непосредственно с использованием естественного положительного рельефа укрепляемых площадок (Агеев, 1989, с. 14, 23; Колонских, 2017, с. 26, 28–29, рис. 48, 63). Можно предположить, что естественная возвышенность подрезалась (эскарпировалась), на месте ее основания выкапывался ров, а грунт, предположительно изъятый при рытье, укладывался поверх эскарпа (рис. 3). Автор прекрасно понимает, что для подтверждения данного тезиса необходимо проведение стационарных полевых исследований, однако, своеобразие данной конструкции на данный момент кажется вполне очевидной. Кроме того, высота дошедших до нас подобных «валов-эскарпов» с напольной стороны порой в несколько раз превышает высоту насыпи от укрепленной площадки расположенной за валом с мысовой части городища (рис. 4).

Подобные фортификационные сооружения не являются новацией местного раннесредневекового населения бахмутинской культуры, примеры их широко известны на памятниках эпохи железа и раннего средневековья соседних территорий. В центральных регионах это укрепленные древнерусские поселения, в Поволжье – поселения болгар, восточнее Уральского хребта – городища позднего этапа железного века баитовской археологической культуры и памятники, оставленные саргатским и гороховским населением (Губайдуллин, 2002, с. 34; Раппопорт, 1965, с. 12; Рафикова и др., 2013, с. 49–50).

Не менее интересным наблюдением является еще один вид фортификации – гласис (Губайдуллин, 2003, с. 38). Наиболее отчетливо следы подобного сооружения визуальным фиксируются на Кудашевском, Краснохолмском, Исхаковском и Янтузовском городищах бахмутинской культуры (рис. 4: 1).

Не менее интересным оказались и наблюдения за городищами (11 объектов), имеющими кольцевую линию обороны. Данная форма фортификации имеет наибольшее распространение (7 однослойных объектов) на памятниках пьяноборской археологической культуры. Два объекта оставлены бахмутинским населением, еще два объекта функционировали как в пьяноборскую, так и в бахмутинскую эпоху.

Своеобразные выводы дал анализ топографических особенностей площадок городищ. Наибольшее количество городищ

расположено на вершине коренной террасы (51 объект, рис. 5: 1), 28 объектов расположено на мысовидных выступах береговых террас (рис. 5: 2), 12 объектов находятся на отдельно стоящих возвышенностях, горах или холмах (рис. 5: 3), 9 городищ занимают отроги водоразделов, расположенные в глубине террасы (рис. 5: 4), 3 городища располагаются на останцах (рис. 5: 5), 2 – на стрелках образованных поворотом реки (рис. 5: 6). При этом большинство пьяноборских городищ расположено на краю коренных террас, кара-абызских – на мысовидных выступах коренных террас, а бахмутинские городища представлены более широкой топографией, формами укрепленных площадок и конфигурацией линий обороны (табл. 2; рис. 6, 7). Во-первых, это объяснимо с точки зрения преобладающего количества, а во-вторых, тем, что население бахмутинской культуры более плотно осваивало территорию не только крупнейших водоемов региона, но и их притоков или как утверждалось ранее «спустилось» с высоких террас крупных рек (Останина, 1997, с. 86).

Характерным для бахмутинской культуры является тип городищ, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, горах и холмах (табл. 2; рис. 5: 3). Довольно часто подобные элементы ландшафта на современных топографических картах обозначены как горы (Калатау, Уаратау, Кызтау, Ялантау, Такмантау, Кармигурезь и т.д.), кроме того, данные возвышенности в рельефе имеют схожие названия и у местного населения (Калатау, Красный Холм, Калай-Туба, Кылыстау и т.д.) (Тузбеков, Колонских, 2016, с. 118). Подобный вид памятников в Уфимско-Бельском междуречье практически не известен ни в предшествующую, ни в последующую эпохи (Иванов, 1984, с. 67).

Примечательно, что существует некоторая взаимосвязь в топографии и фортификации городищ бахмутинской культуры, а именно: 9 однослойных укрепленных поселений, расположенных на отдельно стоящих возвышенностях, имеют четкие следы фортификационных сооружений, приуроченных к естественным возвышенностям (табл. 1, 2). Данная взаимосвязь известна лишь для бахмутинских городищ Уфимско-Бельского междуречья.

Таким образом, проведенные наблюдения позволяют выявить некоторые характерные особенности укрепленных площадок городищ бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. С одной стороны, полученные выводы отчасти повторяют

выводы предыдущих исследований (Овсяников, 1997, с. 11; Иванов, Останина, 1983, с. 108–112; Иванов, 1984, с. 65–67; Останина, 1997, с. 87–91). Это преимущественно однорядная система укреплений, которая известна на 32 однослойных бахмутинских поселениях. Во-вторых, применение эскарпов (22 объекта). Данный признак довольно редко встречается в Уфимско-Бельском междуречье в эпоху раннего железного века, в частности, для укрепленных поселений ананьинской и пьяноборской культуры он и вовсе не известен. Кроме этого, характерной для бахмутинских укреплений является прямая или несколько изогнутая форма вала, которая довольно часто встречается и на кара-абызских городищах. Наименее характерна для бахмутинских городищ (2 объекта) и особенно часто встречаемая на укрепленных площадках пьяноборских городищ (7 объектов) кольцевая форма вала.

Форма площадок городищ в Уфимско-Бельском междуречье очень часто имеет прямую зависимость от топографии их расположения. Расположенные на краю ровных коренных террас крупных рек, пьяноборские городища чаще имеют подтреугольную форму. Укрепленные площадки кара-абызских городищ тоже имеют довольно очевидную приуроченность к крупнейшей водной артерии региона р. Белой, потому их поселения чаще занимают площадки коренных террас и мысовидных выступов этих террас. Совсем иная ситуация с городищами бахмутинской археологической культуры. В этом плане можно расширить некоторые выводы предыдущих исследований. Мысовой тип городищ бахмутинской культуры имеет такие же отличия, как отличны мысовидные выступы коренной террасы р. Белой и Уфы от мысов и отрогов водоразделов рр. Быстрый Танып, Буй, Гарейка, Юг. Так, к примеру, мыс Камышинского-I, Бустанаевского, Казакларовского-I и Сандугачевского городищ, на наш взгляд, вещи совершенно различные, а потому в работе были применены дополнительные признаки, которые встречены не только на материалах городищ бахмутинской культуры.

Определенным маркером системы фортификации городищ в Уфимско-бельском междуречье являются виды дополнительной фортификации. Многие городища бахмутинской культуры имеют следы террасирования склонов (22 объекта) и дополнительных валов на конце мысовой части площадок (6 объектов). При этом примеры устройства допол-

нительных валов на склонах стрелок мыса известны в пьяноборское время, а эскарпы вдоль склонов площадок городищ – традиция, возникшая, скорее всего, в эпоху раннего средневековья.

Наиболее ярким примером, характерным для городищ бахмутинской культуры, является устройство своеобразных видов основных линий фортификации с использованием естественного положительного рельефа площадок и устройство укрепленных поселений на отдельно стоящих возвышенностях. Два этих признака довольно часто встречены совместно (9 городищ).

В результате вполне очевидным выводом является утверждение, что традиции выбора площадок городищ бахмутинским населением, а также устройства на них фортификационных сооружений своими корнями уходят в эпоху раннего железного века. При этом в бахмутинское время появляются и некоторые черты, не характерные предшествующему населению. Определение их истоков как внутреннего развития военно-инженерных традиций или как привнесенного компонента возможно лишь при дальнейшем исследовании данного корпуса источников.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Агеев Б.Б.* Научный отчет об итогах полевых исследований в 1988 г. Уфа, 1989.
- Бахшиев И.И., Колонских А.Г.* Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. 2016. № 3 (17). С. 59–82.
- Борзунов В.А., Новиченков Н.Н.* Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Свердловск: УрГУ, 1988. 160 с.
- Гарустович Г.Н.* Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
- Гольмстен В.В.* Отчеты о произведенных археологических раскопках в 1910, 1911 и 1912 гг. на Чортовом городище (близ г. Уфы), на могильнике близ него и на месте бывшего Вознесенского монастыря на р. Усолке (в Гафурийском районе) / Архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.
- Губайдуллин А.М.* Фортификация городищ Волжской Булгарии / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. 232 с.
- Губайдуллин А.М.* Фортификационный словарь. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2003. 104 с.
- Губайдуллин А.М.* О дополнительных укреплениях средневековых городищ // Филология и культура. Philology and culture. 2015. № 2(40). С. 299–302.
- Иванов В.А.* Отчет о раскопках памятников, расположенных в бассейне рек Белой и Уфы, по открытому листу № 327. Уфа, 1975 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 13.
- Иванов В.А.* Отчет о разведках и раскопках в Башкирской АССР. Уфа, 1981 // Архив ИЭИ УНЦ РАН.
- Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: БФАН СССР, 1983. С. 104–127.
- Колонских А.Г.* Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Том 1. С. 353–360.
- Колонских А.Г.* Научный отчет об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017 / Архив ИЭИ УНЦ РАН.
- Мажитов Н.А.* Научный отчет об археологической экспедиции в Бураевский и Балтачевский районы Башкирской АССР за 1957 г. Уфа, 1958 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 1, оп. 6, д. 11.
- Мажитов Н.А.* Научный отчет о результатах археологической экспедиции в Бирский, Бураевский, Балтачевский и Калтасинский районы БАССР за 1959 г. Уфа, 1959 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 459.

- Матвеева Г.И.* Отчет археологической экспедиции Башкирского университета за 1965. Уфа, 1966 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 3, д. 4.
- Матвеева Г.И.* Отчет археологической экспедиции БГУ. Уфа, 1970 // Научный архив ИА РАН. Ф. 1. Р. 1, оп. 1, кн. 7, д. 3951.
- Овсянников В.В.* Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья (V–XIV вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1997. 19 с.
- Овсянников В.В.* Научный отчет о полевых исследованиях, проведенных в Иглинском районе в 2003 году. Уфа, 2003 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 1031.
- Овсянников В.В.* Научный отчет об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы в 2005 г. Уфа, 2005 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2, д. 1037.
- Овсянников В.В.* Население лесостепной зоны Приуралья. Ананьинская культура // История башкирского народа (в семи томах). Том. 1 // Ред. В.В. Овсянников, В.К. Федоров, Ф.Г. Хисамитдинова. М.: Наука, 2009. С. 213–223.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А.* Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов, Н.С. Савельев, А.Х. Пшеничнюк. Уфа, 2004. С. 218–240.
- Останина Т.И.* Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Отв. ред. В.В. Седов. Ижевск: Удм. ИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.
- Раппопорт П.А.* Древние русские крепости. М.: Наука, 1965. 87 с.
- Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 4 (23). С. 42–51.
- Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Романов А.А.* Раннесредневековые древности Уфимского полуострова. Городище Уфа-II. Материалы археологических раскопок 2015 года. Уфа: Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», 2016. 266 с.
- Сунгатов Ф.А.* Научный отчет о раскопках Бажинского (Каменная гора) городища в 1998. Уфа, 2000 // Научный архив ИЭИ УНЦ РАН. Ф. 3, оп. 2а, д. 58.
- Шмидт А.В.* Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук / Приложение к № 8–9 // Хозяйство Башкирии. Уфа: Изд. Госплана Башкирской ССР. 1929. 28 с.

Таблица 1. Исследуемые городища

№	Название	Эпоха	Культура*	К-во валов	Вал-эскарп	Эскарп склонов	Доп. вал	Форма вала	Топогр.	Форма**
1	Сандугачское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	гора	язык.
2	Афанасьевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	мыс	округ.
3	Кансияровское	РСВ	бахм.	3	есть	есть	есть	прям.	мыс	сложн.
4	Тучубаевское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	прям.
5	Урское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	кольцо	гора	округ.
6	Имяновское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	полукруг	гора	округ.
7	Сорвихинское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	сложн.
8	Вознесенское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
9	Ново-Кulichубаево	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	дуга	мыс	округ.
10	Пономаревское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	отрог	округ.
11	Поповское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
12	Ново-Петровское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	дуга	терраса	прям.
13	Янтузовское	РСВ	бахм.	2	есть	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
14	Михайло-Никольск-2	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	прям.	терраса	язык.
15	Михайло-Никольск-5	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	прям.
16	Варязское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
17	Богородское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	н.д.	гора	округ.

18	Бустанаевское	РСВ	бахм.	1	есть	нет	нет	прям.	отрог	язык.
19	Кудашевское	РСВ	бахм.	1	есть	нет	нет	прям.	мыс	язык.
20	Кудашевское 2	РСВ	бахм.	3	нет	есть	нет	дуга	мыс	язык.
21	Юмакаевское	РСВ	бахм.	3	есть	есть	есть	дуга	мыс	язык.
22	Ардашевское	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	прям.	отрог	язык.
23	Баразинское	РСВ	бахм.	2	нет	есть	есть	дуга	отрог	язык.
24	Казакларовское I	РСВ	бахм.	2	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
25	Казакларовское II	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
26	Казакларовское III	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	треуг.
27	Маядыкское I	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	отрог	язык.
28	Бишкураевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
29	Манякское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	полукруг	остан.	округ.
30	Горновское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
31	Камеевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	прям.
32	Чандарское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	есть	дуга	мыс	треуг.
33	Шульгановское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	кольцо	гора	округ.
34	Юг-Хуторское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	прям.	гора	прям.
35	Ново-Татышлинское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	н.д.	гора	округ.
36	Уразгильдинское	РСВ	бахм.	1	нет	есть	нет	сложн.	терраса	прям.
37	Сараштыбашевское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	округ.
38	Вотикеевское	РСВ	бахм.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
39	Бадряш-Актауское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	отрог	язык.
40	Исхаковское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	прям.	отрог	язык.
41	Краснохолмское	РСВ	бахм.	2	есть	есть	нет	прям.	гора	язык.
42	Югомашевское I	РСВ	бахм.	2	есть	есть	нет	дуга	гора	треуг.
43	Месягутовское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	мыс	прям.
44	Таулинское	РСВ	бахм.	1	есть	есть	нет	дуга	гора	округ.
45	Камышинское II	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	сложн.
46	Бирское («Соколок»)	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
47	Охлебининское II	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
48	Шиповское	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
49	Акбердинское II	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	есть	нет	дуга	мыс	язык.
50	Мончазинское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
51	Жилинское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	сложн.	терраса	сложн.
52	Охлебининское I	РЖВ	кара-абыз.	2	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
53	Усть-Уфимское	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
54	Нагаевское 1	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
55	Нагаевское 2	РЖВ	кара-абыз.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
56	Кызыл-Юлдуз	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
57	Кипчаковское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	есть	дуга	терраса	треуг.
58	Серенькино	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
59	Уяндыкское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	треуг.
60	Ново-Медведевское II	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	прям.
61	Турачинское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
62	Шамметовское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	прям.
63	Ябалаковское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
64	Чудково	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	кольцо	отрог	язык.
65	Кереметьевское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	округ.
66	Кызыл-ярское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	есть	прям.	стрел.	язык.
67	Дербешкинское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
68	Тат-Ямалы 2	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	округ.

69	Тат-Ямалы 1	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	прям.
70	Такталачукское	РЖВ	пьян.	1	нет	нет	нет	кольцо	терраса	треуг.
71	Ильчибаевское	РЖВ	пьян.	2	нет	нет	нет	кольцо	терраса	язык.
72	Умировское	РЖВ	пьян.	3	нет	нет	есть	полукруг	терраса	треуг.
73	Таш-елгинское	РЖВ	анан.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	округ.
74	Ирмяшевское	РЖВ	анан.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	округ.
75	Биктимировское	РЖВ	м.с.	3	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
76	Бирское (Чертово)	РЖВ+РСВ	м.с.	5	нет	нет	нет	прям.	мыс	сложн.
77	Камышинское I	РЖВ+РСВ	м.с.	5	нет	нет	нет	полукруг	терраса	прям.
78	Костаревское	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	округ.
79	Михайло-Никольск-1	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
80	Такталачук	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
81	Охлебнинское III	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
82	Акбердинское I (Кыз-кала-тау)	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	есть	нет	прям.	мыс	язык.
83	Уфа-V	РЖВ+РСВ	м.с.	1	есть	нет	нет	прям.	мыс	треуг.
84	Бажинское	РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	язык.
85	Кара-Абызское	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	прям.	терраса	прям.
86	Чертово Уфа 1	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
87	Балтачевское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
88	Дюртюлинское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	язык.
89	Маядыкское II	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
90	Аначевское	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	язык.
91	Ново-Кабановское	РЖВ	м.с.	2	нет	нет	нет	дуга	терраса	треуг.
92	Бурнюшское	РЖВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
93	Ново-Медведевское I	РЖВ+РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
94	Андреевское	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	кольцо	терраса	язык.
95	Трикольское	РЖВ+РСВ	м.с.	3	нет	нет	нет	прям.	терраса	язык.
96	Юлдашевское	РЖВ+РСВ	м.с.	3	нет	есть	есть	кольцо	стрел.	язык.
97	Барязинское	РЖВ+РСВ	м.с.	4	есть	есть	нет	прям.	остан.	округ.
98	Какры-Куль	РЖВ+РСВ	м.с.	2	нет	нет	нет	полукруг	терраса	треуг.
99	Тра-Тау	РЖВ+РСВ	м.с.	6	есть	нет	есть	прям.	остан.	округ.
100	Кувыковское	РСВ	м.с.	2	есть	нет	есть	прям.	отрог	язык.
101	Уфа-II	РСВ	м.с.	1	нет	нет	нет	прям.	мыс	язык.
102	Кушнаренковское	РСВ	кушн.	1	нет	нет	нет	полукруг	мыс	язык.
103	Таптыковское	РСВ	кушн.	2	нет	нет	нет	дуга	мыс	треуг.
104	Старо-Калмашевское	РСВ	кушн.	1	нет	есть	нет	прям.	мыс	прям.
105	Кара-Якуповское	РСВ	кушн.	2	нет	есть	нет	полукруг	терраса	треуг.

* «бахм.» – бахмутинская культура; «анан.» – ананьинская культура; «кара-абыз» – кара-абызская культура; «пьян.» – пьяноборская культура; «м.с.» – многослойный памятник; «кушн.» – кушнаренково/кара-якупово.

** «язык.» – языкообразная; «треуг.» – подтреугольная; «прям.» – подпрямоугольная; «округ.» – округлая; «сложн.» – сложная.

Таблица 2. Характеристика топографии и фортификации городищ
Уфимско-Бельского междуречья

Кульг. принадл.*.	Количество линий укреплений						Топография площадки городища						Дополнительная фортификация			Конфигурация линий укреплений**						Форма площадок городищ***				
	1	2	3	4	5	6	терраса	мыс	гора, холм	опрог	останец	стрелка	Доп. вал	Эскарп	вал-эскарп	дуга	округ	прям	кольц	сложн.	Н.д.	язык.	округл.	треуг.	прям.	сложн.
Бахм.	32	9	3	0	0	0	11	13	12	7	1	0	6	22	17	19	7	13	2	1	2	16	11	8	7	2
Кара-Абыз	8	3	0	0	0	0	7	4	0	0	0	0	0	1	0	2	1	5	0	3	0	7	0	0	0	4
Пьян.	11	5	1	0	0	0	13	2	0	1	0	1	5	0	0	2	4	4	7	0	0	4	2	8	3	0
Анан.	1	1	0	0	0	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	1	0	0	0	2	0	0	0	0
М.с.	12	8	3	1	2	1	18	5	0	1	2	1	3	3	4	4	8	13	2	0	0	13	3	8	2	1
Кушн.	2	2	0	0	0	0	1	3	0	0	0	0	0	2	0	1	2	1	0	0	0	1	0	2	1	0
Всего	66	28	7	1	2	1	51	28	12	9	3	2	14	28	21	29	22	37	11	4	2	41	18	26	13	7

* «бахм.» – бахмутинская культура; «анан.» – ананьинская культура; «кара-абыз» – кара-абызская культура; «пьян.» – пьяноборская культура; «м.с.» – многослойный памятник; «кушн.» – кушнаренко-во/кара-якупово.

** «дуга» – дугообразная; «округ» – полукруглая; «прям.» – прямая; «кольц.» – колцеобразная; «сложн.» – сложная; «н.д.» – нет данных.

*** «язык.» – языкообразная, удлиненная; «округл.» – округлая; «треуг.» – подтреугольная; «прям.» – подпрямоугольная «сложн.» – сложная.

Информация об авторе:

Колонских Александр Геннадьевич, младший научный сотрудник, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (г. Уфа, Россия); kontrobazz@mail.ru

About the Author:

Kolonskikh Aleksandr G. Federal State Institute of Science Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev. Karl Marx St., 6, Ufa, 450077, Russian Federation; kontrobazz@mail.ru

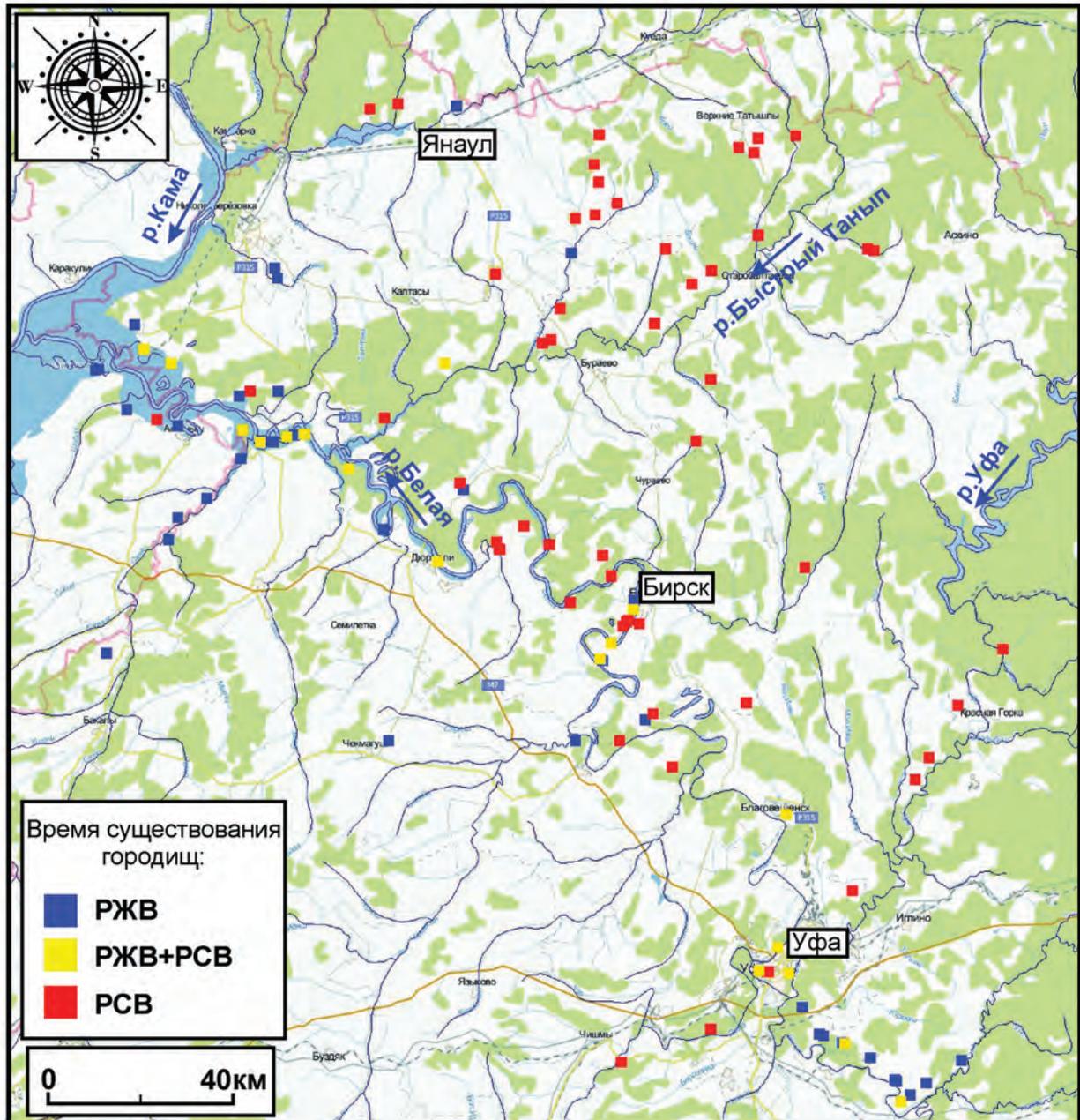

Рис. 1. Карта-схема исследуемых городищ.

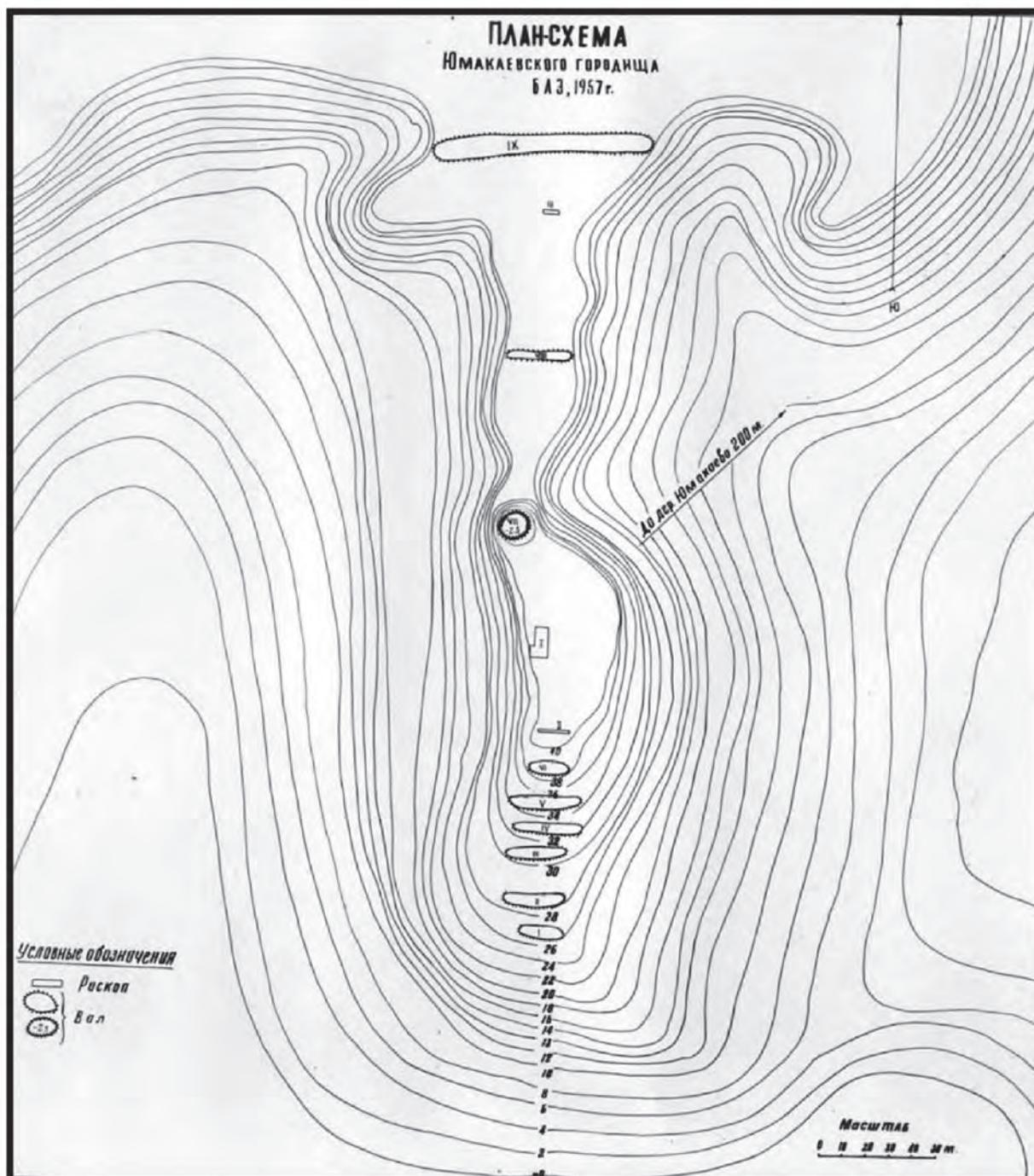

Рис. 2. План Юмакаевского городища (Мажитов, 1959).

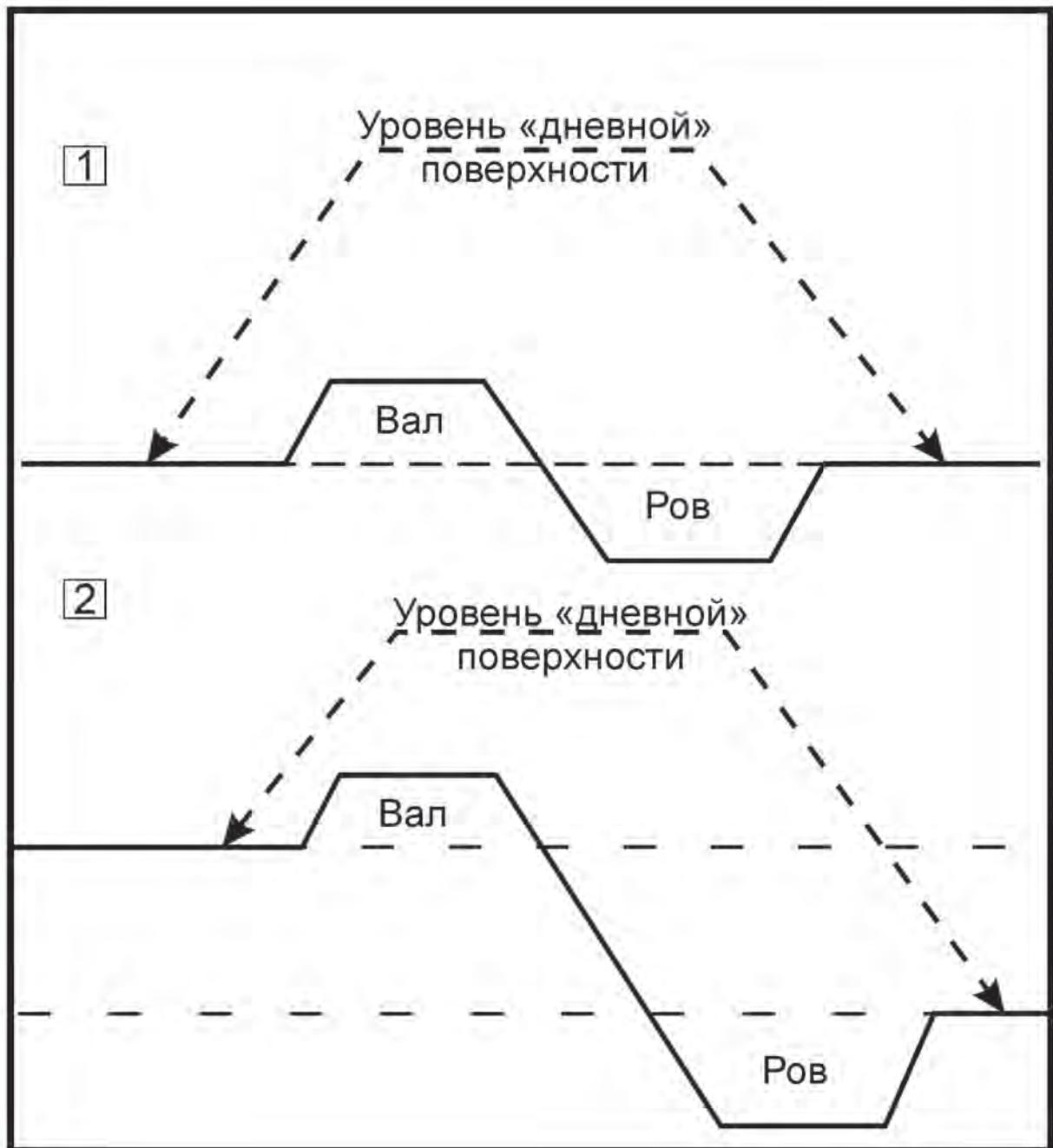

Рис. 3. «Вал-эскарп» городищ бахмутинской культуры: 1) Схематическое изображение профиля «традиционной» линии фортификации; 2) Схематическое изображение профиля «вала-эскарпа».

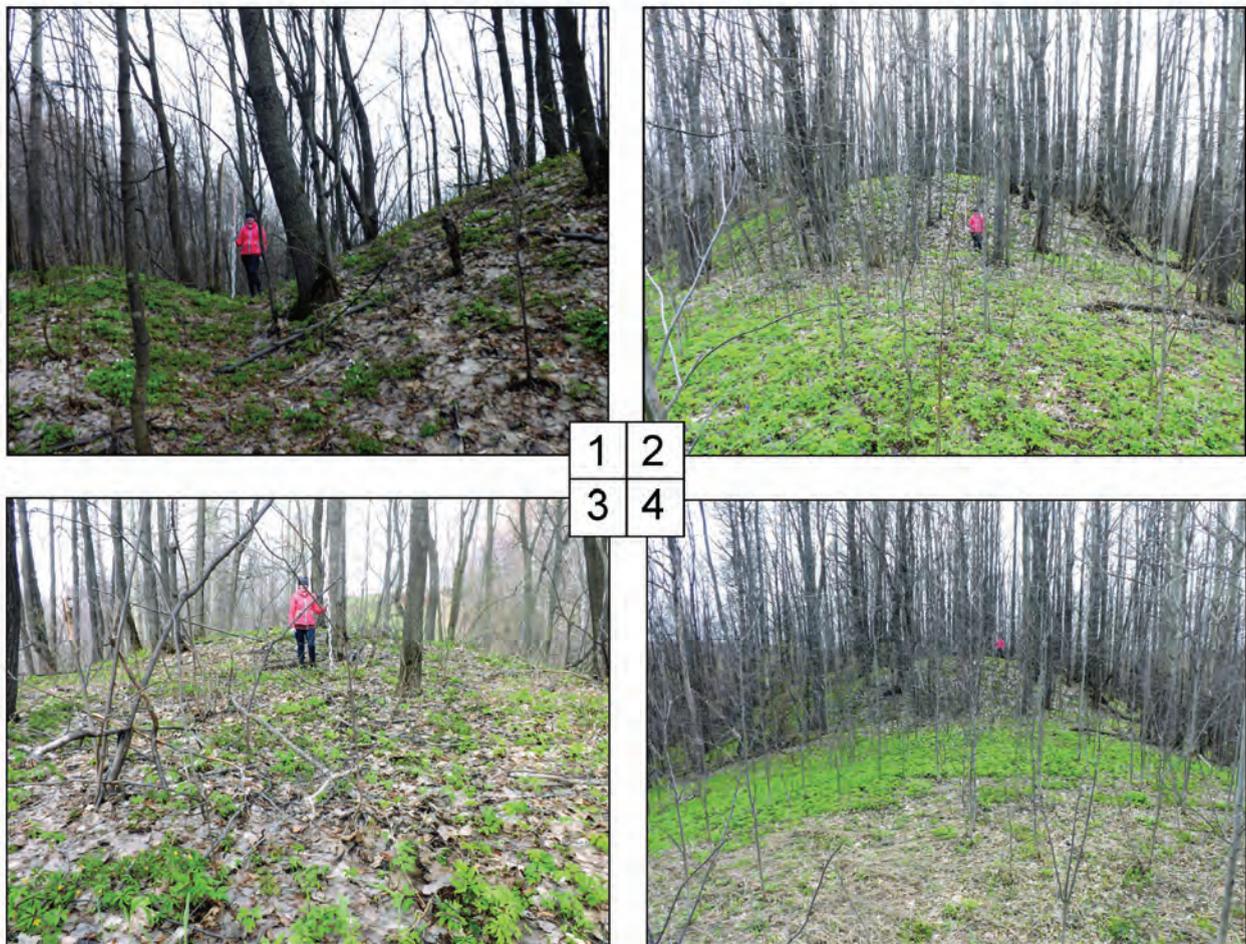

Рис. 4. Укрепления Исаковского городища: 1) вид с востока на вал и ров; 2) вид с северо-востока на вал и ров; 3) вид с юго-запада на вал (с внутренней площадки); 4) вид с северо-востока на уровень внутренней площадки.

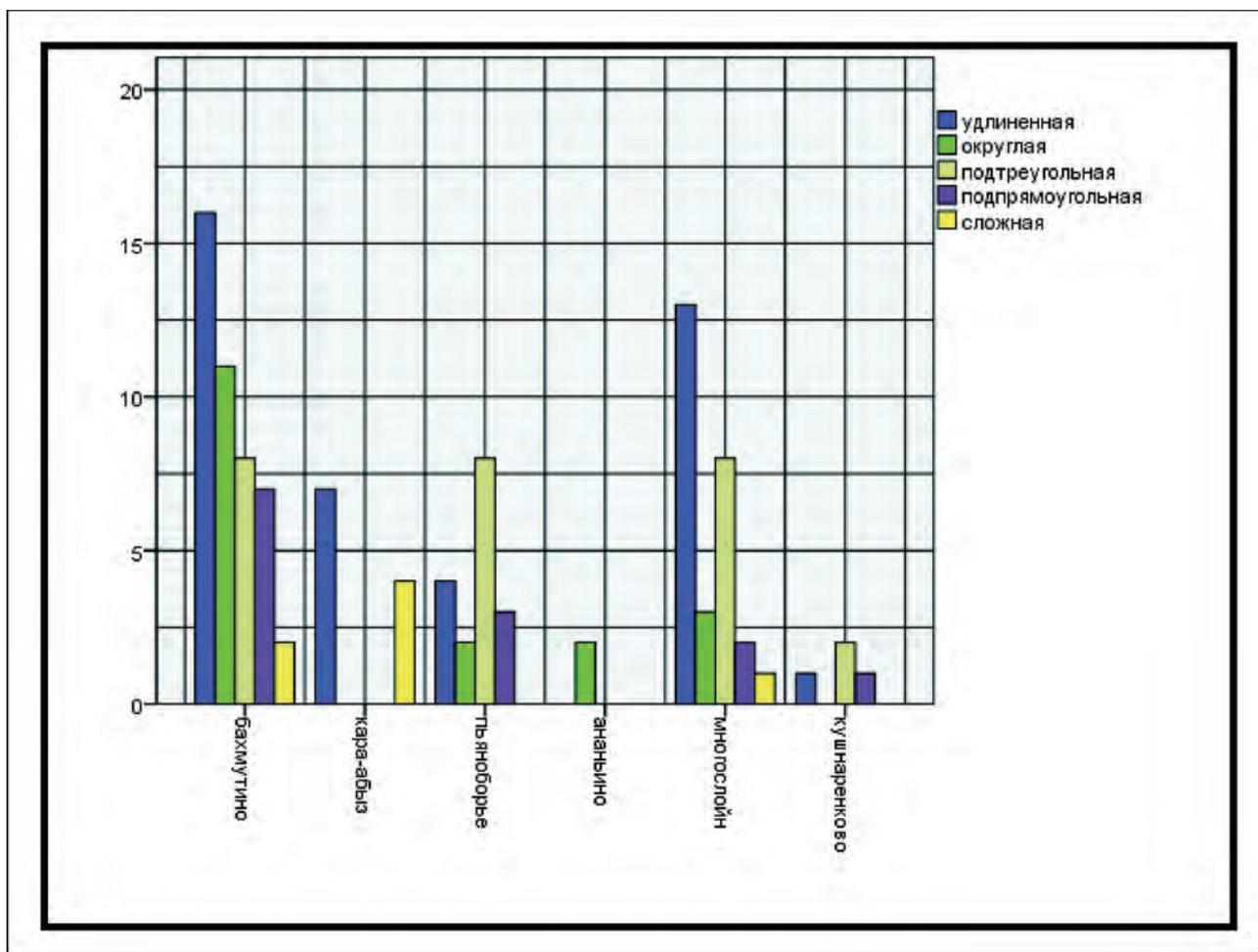

Рис. 6. Формы площадок городищ.

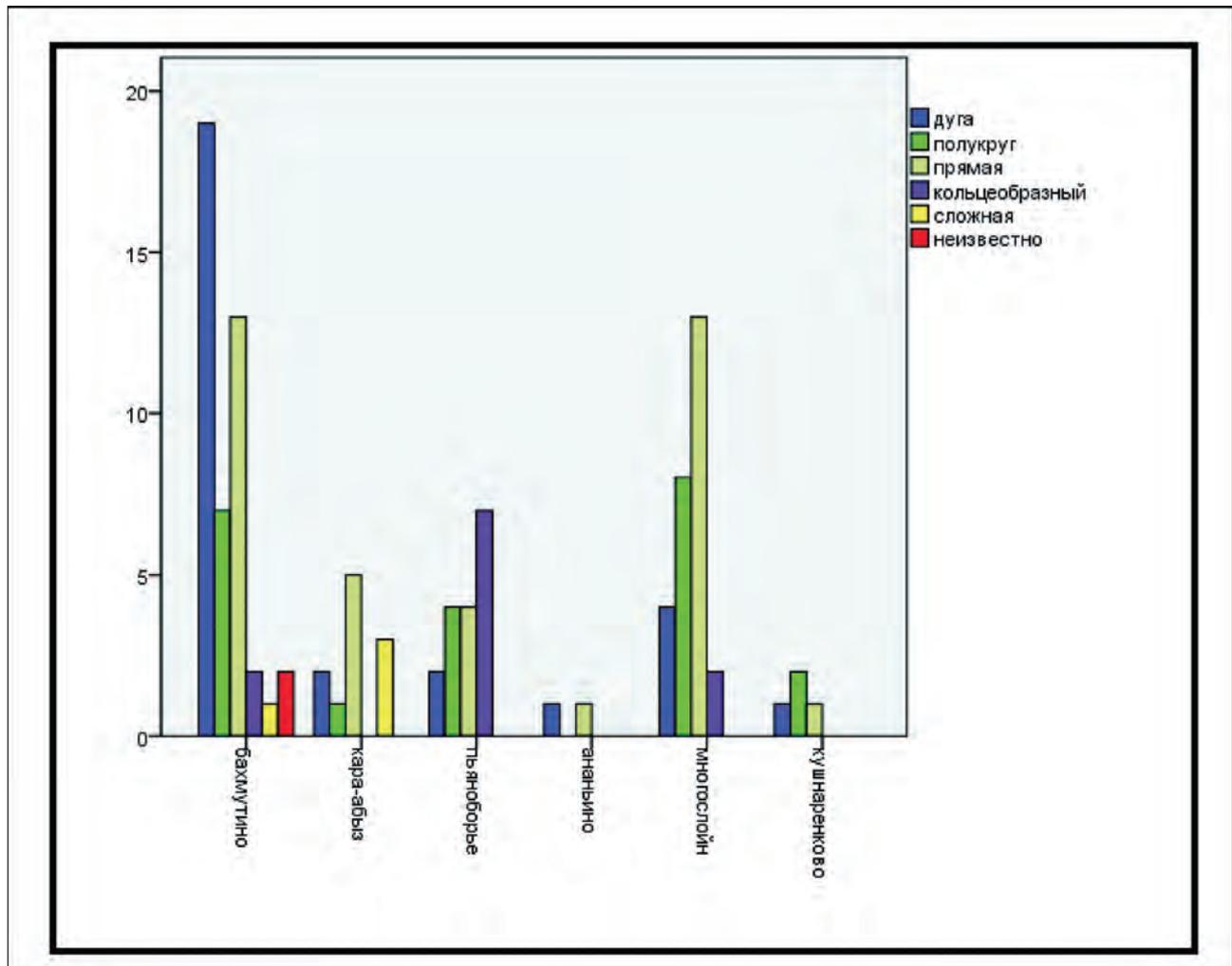

Рис. 7. Конфигурации линий укреплений.